

4. Дополнительного исследования требуют вербальные средства других уровней языка, которые также, вероятно, обладают гармонизирующим воздействием.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136-137.
- Бобырева Е.В.* Религиозный дискурс: ценности и жанры / Е.В. Бобырева // Знание. Понимание. Умение : проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. – 2008. – № 1. – С. 163-167.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Советская энциклопедия, 1973. – 846 с.
- Православное чтение : информационно-просветительский проект [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.zavet.ru (дата обращения: 20.11.2011).
- Прохоров Ю.Е.* Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров. И.А. Стернин. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 328 с.
- Фуко М.* Порядок дискурса / М. Фуко // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996. – С. 47-96.
- Христианство : энциклопедический словарь : в 3 т. – Т. 1. – М. : Большая российская энциклопедия, 1993. – 868 с.

МОТИВЫ ТЕПЛА И ХОЛОДА В РОЖДЕСТВЕНСКИХ РАССКАЗАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (Ф. РЮККЕРТ, Г.Х. АНДЕРСЕН, С. ЛАГЕРЛЕФ, Ч. ДИККЕНС)

С.А. Горбунова

*Научный руководитель: М.В. Слаутина,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)*

Рождество – уникальный христианский праздник. Оно объединяет в себе два противоположных явления: тепло и холод. Холод представляется в форме зимнего времени года, снега, метели, сугробов, сильного ветра. Тепло приходит с человеком – его олицетворяют огонь печи, свечи, блеск и сияние рождественских украшений. Такое выражение рождества характерно для особого жанра литературы – рождественского рассказа.

Рассмотрим мотивы тепла и холода в рождественских рассказах четырех писателей XIX века: Фридриха Рюккерта, Ганса Христиана Андерсена, Сельмы Лагерлеф и Чарльза Диккенса. Андерсен и Лагерлеф являются представителями Северной Европы, им в большей мере было известно, что такое настоящая предрождественская стужа и как ценно тепло в суровую зимнюю пору. Рюккерт и Диккенс, немецкий и

английский писатели, разделяли традиции рождества, их героям свойственно ощущение необъяснимого рождественского тепла, радости и счастья, которые, как сказано в рассказе Сельмы Лагерлеф «Рождественский гость», «непонятно откуда, но обязательно приходят всегда и ко всем. И тогда все меняется как по волшебству, и все становятся друг к другу добрыми, такими добрыми» [Лагерлеф: электрон. ресурс].

Четыре текста: «Елка сироты», «Девочка со спичками», «Рождественский гость» и «Рождественская песнь в прозе: святочный рассказ с привидениями» традиционно называют рождественскими рассказами. Изначально таким рассказом среди них являлся только текст Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе: святочный рассказ с привидениями» (1843), который и стал образцом рождественского (или святочного – вариант употребления названия, более характерный для русской литературы) рассказа. Традиции рождественского рассказа были замечены в стихотворении Фридриха Рюккерта «Елка сироты» (1816), в сказке Г.Х. Андерсена «Девочка со спичками» (1845) и в сказке «Рождественский гость» (1908), входящей в сборник Сельмы Лагерлеф «Легенды о Христе».

Целью исследования было увидеть особенности изображения идей тепла и холода в этих небольших произведениях. Для этого мы проанализировали оригиналы текстов и их перевод.

Для трех первых небольших рассказов языкового анализа достаточно, чтобы полно представить мотивы тепла и холода, поскольку композиция проста, действующих лиц мало, образы главных героев незамысловаты. В «Рождественской песне в прозе» Диккенса наибольшую значимость, наоборот, играет художественная интерпретация.

В каждом из названных произведений выделяются доминанты в представлениях таких культурных феноменов, как тепло и холод.

В стихотворении Рюккерта холод тесно связан с понятием «чужой». В нескольких словах напомним сюжет произведения. В канун Рождества ребенок-сирота бежит по улицам города. В русском тексте он назван «дитя-сирота», а в немецком оригинале – «чужой ребенок». Этот ребенок заглядывает в окна домов и витрины магазинов, чтобы полюбоваться на подарки, которые предназначены другим, и плачет, сознавая, что у него нет ни елки, ни подарков. Он замерзает от холода и вдруг видит Христа, идущего к нему, тот забирает его к себе на елку.

В немецком тексте прилагательное «чужой» употреблено целых четыре раза. Это *чужой ребенок*, *чужая земля* (т.е. чужбина), *чужие рождественские подарки*, *чужой город*. В русском переводе такого акцента на прилагательное «чужой» нет. Таким образом, если учесть последние строки стихотворения: «Ныне дитя-сирота вернулось к себе на

родину, на елку к Христу. И то, что было уготовано ему на земле, оно легко там позабудет» (Ф. Рюккерт), то можно заключить, что этот ребенок является чужим для этой земли, не нужным здесь. Вот откуда идет холод всего, что его окружает.

Мотив тепла ассоциируется с Христом, с *heilige Christ* – святым Христом, *Berater Christ* – Христом-советчиком, как он назван в немецком тексте. Ангелочки увлекают сироту к свету: *zum lichten Raum* – в светлое помещение. С небес на ребенка веет теплом, потому что там находится его настоящая родина.

В сказке Андерсена «Девочка со спичками» на датском языке представлено целое семантическое поле «Огонь». Любопытно, что разнообразие лексических единиц в оригинальном тексте шире, чем в переводе сказки на русский язык. Так, в датском языке появляются лексические единицы, для которых в русском языке невозможно подобрать однословный эквивалент, а можно заменить только сочетаниями слов. Например, датское *ildstribе* соответствует русскому словосочетанию *огненная полоса*, *julelys* приблизительно обозначает *рождественские огоньки*.

Идея холода в этой сказке отражена в понятиях, которые, как правило, всегда создают определенный антураж данному явлению: голод, нищета, физическая слабость. Особенно акцентируется внимание на отсутствии обуви: в переводе на русский язык про девочку говорится *брела*, а в первоисточнике (дословно) – *gik paa de nøgne smaa fødder* ‘шла на голых маленьких ногах’.

В сказке Сельмы Лагерлеф «Рождественский гость» тепло ассоциируется с домом и уютом. В тексте встречается множество символов дома, домашнего очага. Так, дом Лильекруны, вокруг которого разворачивается действие, назван усадьбой, крепким хутором, гостеприимным домом, набожным домом. Интересна сама лексема «дом», так как в шведском языке, в отличие от русского, можно констатировать факт её наиболее частого употребления. Например, выражение *utan hem och utan slaakt* ‘не было ни родни, ни крыши над головой’ в дословном переводе значит ‘без дома и без родственников’. Шведские лексические выражения со словом *дом* (*hem, hus*) в русском языке замещаются такими обстоятельствами места, как *у него* или *внутри*. Эта же лексема в виде составной части используется в словах «домашние» – *husfolket* (народ дома), «хозяин» – *husbonden* (глава семьи и дома), «слуги» – *hemtrålar* (рабочие дома) и др. Также интересно, что в таких шведских выражениях, как, например, *för sitt hem* ‘для своего дома’ или *hans hem skulle förlora* ‘его дом будет утрачен’, как можно заметить, важна идея дома, не столь ярко выраженная в русском переводе сказки (ср.: *для своих домашних и прости прощай семья*, соответственно). Кроме этого, стоит отметить, что

в тексте присутствуют названия многочисленных атрибутов домашнего уюта, усиливающие ассоциацию *дом – тепло*: камин, диван, кресло-качалка, каша, свеча и др.

Мотив холода в этой сказке оказывается связан прежде всего с явлениями природы. Малыш Рустер вынужден скитаться от усадьбы к усадьбе в непогоду: метель, вьюга, снежные вихри, тучи снега, сугробы. Метель в шведском языке «хлещет», а вьюга «вертится и бьется». Сельма Лагерлеф говорит, что в такое ненастье Рустер будто ехал в страну смерти. Это сразу отсылает читателя к Скандинавской мифологии, где Север – земля тьмы, страха, несчастий и зла.

В «Рождественской песни в прозе» Чарльза Диккенса важен анализ созданных автором образов героев и ощущений. Именно ощущений, потому что Диккенс стал первым писателем, наиболее ярко, полно и точно передавшим атмосферу предрождественских дней и самого Рождества. Неповторим образ Скруджа, от которого за версту веяло холодом: «Душевный холод заморозил изнутри старческие черты его лица (*the cold within him froze his old features*), заострил крючковатый нос, сморщил кожу на щеках, сковал походку (*stiffened his gait*), заставил посинеть губы и покраснеть глаза (*made his eyes red, his thin lips blue*), сделал ледяным его скрипучий голос (*spoke out shrewdly in his grating voice*). И даже его щетинистый подбородок, редкие волосы и брови, казалось, заиндевели от мороза (*A frosty rime was on his head, and on his eyebrows, and his wiry chin*). Он всюду вносил с собой эту леденящую атмосферу (*his own low temperature*). Присутствие Скруджа замораживало его контору (*he iced his office*) в летний зной, и он не позволял ей оттаять ни на полградуса даже на веселых святках» [Dickens: Electr. resource].

Холод царит повсюду, где появляется Скрудж. Само его имя – *Scrooge* – значит ‘скряга, сквалыга’. Однако, там, где кончаются владения льда, сухости и жадности, начинается веселый праздник. Ощущение праздника знакомо в городе каждому, а с ним даже в самый бедный дом приходит тепло. В сочельник в каждой гостиной пылает огонь, даже у Боба Кречета, которому Скрудж платит гроши. Праздник с его радостью и теплом проходит только мимо Скруджа, так как Скрудж сам его не принимает.

Жизнь Скруджа угасает, потому что внутри него тлеет последняя искра. Это постепенное затухание проявляется в моменты, когда к Скруджу приходят духи. От головы первого еще исходит яркий сноп света, он символизирует молодость Скруджа, времена, когда тот светился радостью и счастьем. При появлении второго Скрудж видит оранжево-красное зарево. Так начинался закат его жизни. Наконец, третий приходит в полной темноте, и Скрудж едва может видеть руку, которая указывает ему путь.

Таким образом, мотивы тепла и холода являются сквозными в рождественских рассказах, образуя главные противопоставления в художественном пространстве этих произведений: земля – небо, свое – чужое, бедность – богатство, щедрость – скупость и т.д.

Список литературы

Андерсен Г.Х. Сказки и истории : в 2-х т. / Ганс Христиан Андерсен. – Л. : Худ. литература, 1969.

Большой немецко-русский словарь по общей лексике. – М. : Русский язык-Медиа, 2004.

Датско-русский словарь онлайн – Dansk-russisk ordbog [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: [v.4.web editionhttp://www.slovar.dk/](http://www.slovar.dk/) (дата обращения: 21.12.2011).

Лагерлеф С. Рождественский гость / Сельма Лагерлеф [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://scandlit.narod.ru/rozhdgost.html> (дата обращения: 10.11.2011).

Новый большой русско-английский словарь. – М. : Русский язык-Медиа, 2004.

Русско-Шведский и Шведско-Русский On-line словарь [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.valenta.se/dictionary/default.asp> (дата обращения: 14.12.2011).

Andersen H.C. Den lille pige med svovlstikkerne / Hans Christian Andersen [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.andersenstories.com/da/andersen_fortaellinger/den_lille_pige_med_svovlstikker n (дата обращения: 15.11.2011).

Dickens Ch. A Christmas Carol in Prose / Charles Dickens [Electronic resource]. Mode of access: http://www.booksbooksbooks.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=786:-bilingua-&catid=1:english&Itemid=3 (дата обращения: 30.11.2011).

Lagerlöf S. En julgäst / Selma Lagerlöf [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://runeberg.org/osynliga/01.html> (дата обращения: 04.12.2011).

Rückert F. Des fremden Kindes heiliger Christ / Friedrich Rückert [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.spruechetante.de/sprueche-sammlung/index.php/des-fremden-kindes-heiliger-christ-friedrich-ruckert-1788-1866/> (дата обращения: 29.11.2011).

ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И СМЕЖНЫХ НАУКАХ

Е.И. Сидорук

*Научный руководитель: О.Г. Скворцов,
кандидат филологических наук, профессор (УрФУ)*

В настоящее время исследование концепта занимает важное положение в лингвокультурологии, которая выступает областью научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры, и концептологии, занимающейся исследованием понятия и становления концепта. Многие лингвисты, например, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова,